

Алесь Разанаў

3
ВЯЛІМІРА
ХЛЕБНІКАВА

Мінск / Логвінаў / 2011

УДК 881.161.3-1
БЕК 84 (4Бей)-5
Р 17

Разанаў, А. С.

З Вяліміра Хлебнікава / Алесь Разанаў. - Мінск: І. П. Логвінаў, 2011.- 76 с.

ISBN 978-985-6991-11-3.

Кніга - білінгва: у ёй змешчаны вершы Вяліміра Хлебнікава ў мове арыгіналу і „з”, здзейсненыя Алесем Разанавым у беларускай мове.

УДК 881.161.3-1
ББК 84 (4Бей)-5

ISBN 978-985-6991-11-3

З

Вяліміра

Хлебнікава

*

Чарот-вечарот
 На возераберазе,
Дзе векамань — каменнем,
Каменне — векаманню.
 На берагавозеры
Чарот, вечарот,
На вечараберазе
 Веча шумлівае.

*

Времяши — камыши
 На озера березе,
Где каменя временем,
Где время каменьем.
 На берега озере
Времяши, камыши,
На озера березе
 Священно шумящие.

*

Нем нямілым лунае лукам
У закрычаў зары.
Ноч кранае грозным гукам
Душы цёмныя: „Гары!”
Ды закрычань задрыжала,
Узяла маўчанне ў шчыт —
Ёй, стотварай і стоджалай,
Мкнуцца боем на нябыт.
Лук з рук падае ўпадаўнам,
Праракуе немана,
І ў знябожанні дзяржаўным
Прочкі прыліцца яна.

*

Немь лукает луком немным
В закричальности зари.
Ночь роняет душам темным
Клича старые „Гори!”
Закричальность задрожала,
В щит молчание взяла
И, столика и стожала,
Боем в темное пошла.
Лук упал из рук упавном,
Прорицает тишина,
И в смятении державном
Улетает прочь она.

*

Павысыпаліся з меха
Рэчы.
І я дарэчы
Думаю:
Свет — усмех
На вуснах бяссонна, што нарэшце
Выспаўся ўвесь.

*

Из мешка
На пол рассыпались вещи.
И я думаю,
Что мир —
Только усмешка,
Что теплится
На устах повешенного.

*

Змрокі. Сцені.

Сцены. Сени.

Зместы ўводзім мы ў суплёт.

Ў кожным воку — бег аленя,

Ў кожным зроку — дзіды лёт.

І калі ірдзеўся на захадзе ўражанняў жар,

З росхрысту крамы вымкнуў няўрымста,

Яго праводзіў вокліч: „Шпар!”

І я, хутчэй справа, чым справа,

Болей быў слова, чым злева.

*

Вечер. Тени.

Сени. Лени.

Мы сидели, вечер пья.

В каждом глазе - бег оленя,

В каждом взоре - лёт копья.

И когда на закате кипела вселенская ярь,

Из лавчонки вылетел мальчонка,

Провожаемый возгласом: „Жарь!”

И скорее справа, чем правый,

Я был более слово, чем слева.

ЗАКЛЁН РОГАТАМ

Рагачыце, рагачы!
Рагачарце, рагачары!
Рагачварце, рагачвары!
Рагатніце рагатліва з рагатнёў, рагатуны!
Рогаць, рогатань, урогат,
Рагачутка, рагацень.
Рагатулі, рагатуйце рагатункі!
Зрагаторце
Рагаторгі рагатнічым рагатнем, рагатары!
Рагацвелы ўрагацвела рагацвеляць
рагацелаў,
Урагочваюцца ўрогач рагачверцы ў рагачме.
Рогат рогатна рагоча рагатайнай рагатою:
Рагатуны ў рагатніцу.
Рагачыце, рагачы!

ЗАКЛЯТІЕ СМЕХОМ

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеянутся смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешиц надсмеяльных - смех усмейных смехачей!
О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!
Смейево, смейево,
Усмей, осмей, смешики, смешики,
Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

КОНІК

Крылцуючы золатапісьмом
Узорнай шаты,

ўшат-
каваў

У торбу брушка конік шмат

Прыбярэжных траў і вер.

- Пінь-пінь-пінь! - кулялёхнуў дзіндзівер.

О, лебядзіва!

О, зназары!

КУЗНЕЧИК

Крылышкую золатописьмом

Тончайших жил,

Кузнечик в кузов пуза уложил

Прибрежных много трав и вер.

„Пинь, пинь, пинь!” — тарарахнул зинзивер.

О, лебедиво!

О, озари!

*

З цялёхканнем-свістам
Птушкі прастору пажалі.
Лістом трапятлівым
Яны не кружлялі.
t' Таемна цягнулася ўзрушша
За хмары суздромным крылом.
Ўцякач навукі крывадушна,
Я змроку скакаў напролом.

*

С журчанием, свистом
Птицы взлетать перестали.
Трепещущим листом
Они не летали.
Тянулись таинственно перья
За тучи широким крылом.
Беглец науки лицемерья,
Я туче скакал напролом.

НЕТРЫ

Гайсалі кленічы і клічы
І галас нетрамі стагнаў,
Каб вострай дзідай паляўнічы
Ляснога звера даканаў.
Алень, алень, нашто нядужа
Нясеш у рогах грому зык?
На сцётны ўпалі стрэлаў ружы,
І непахіблівы разлік.
Ён зараз зломіць ногі вобзем
І скон заўважыць відарліва,
І коні скажуць гутарлівае.
„Не, недарэмна зграбных возім”.
Дарэмна рухам вабналюбым,
Дзявоцкім хараством вачэй
Ты адхіляўся ад загубы,
Што дзіду ўзважвала ямчэй.
Бліжэе конскае дыханне -
Ніжэюць рогаў падарункі,
І цецівы часцей хітанне:
Няма аленю паратунку.
Ды ў ім узнікла раптам грыва,
Кіпцюр ільвіны вастраперсты,
І бестурботліва-гулліва
Ён паказаў чапаць майстэрства.
Яны без незгадзі і крыку
Палеглі ў труны-карабы.
Стаяў ён з постаццю ўладзькі,
Глядзеў, як нікліся рабы.

ТРУЦОБЫ

Были наполнены звуком трущобы,
Лес и звенел и стонал,
Чтобы
Зверя охотник копьем доконал.
Олень, олень, зачем он тяжело
В рогах глагол любви несет?
Стрелы вспорхнула медь на ляжку,
И не ошибочен расчет.
Сейчас он сломит ноги оземь
И смерть увидит прозорливо,
И кони скажут говорливо:
„Нет, не напрасно стройных возим”
Напрасно прелестью движений
И красотой немного девьего лица
Избегнуть ты стремился поражений
Копьем искавших беглеца.
Все ближе конское дыханье
И ниже рог твоих висенье,
И чаще лука трепыханье.
Оленю нету, нет спасенья.
Но вдруг у него показались грива
И острый львиный коготь,
И беззаботно и игриво
Он показал искусство трогать.
Без несогласья и без крика
Они легли в свои гробы,
Он же стоял с осанкою владыки -
Были созерцаемы поникшие рабы.

*

Сланы біліся біўнямі так,
Што здаваліся белым каменем
Пад мастаковай рукою.
Алені спяталіся рогамі так,
Што здавалася, іх яднаў стараблівы шлюб
З узаемнымі захапленнямі і ўзаемнай нявернасцю.
Рэкі ўліваліся ў мора так,
Што здавалася:
Рука аднаго душыць горла другога.

*

Слоны бились бивнями так,
Что казались белым камнем
Под рукой художника.
Олени заплетались рогами так,
Что казалось, их соединял старинный брак
С взаимными увлечениями и взаимной неверностью.
Реки вливались в море так,
Что казалось: рука одного душит шею другого.

*

У неба ўцяліся кінжалы —
Два ясакары: гнуцца аж...
І, расхінуўшыся, ляжала
Нябожчыцай зямля наўсцяж.
І замак белы, ўкляты ў пустку
Сутоння, тоіць сны свае.
Да залатога пяску спуску
Вось шумна човен прыстае.
І панна пройдзе пры сустрэчы,
Абдыме косамі сваімі
І рукі пакладзе на плечы,
І ўсмешка адзавецца імем.
Ён павядзецца ў вабы зморы,
Ягоны зрэбны ўбор ёй люб.
А раніцой пярэйме мора
Яго раптоўны шчасны труп.

*

Как два согнутые кинжала,
Вонзились в небо тополя,
И, как усопшая, лежала
Кругом широкая земля.
Брошен в сумрак и тоску,
Белый дворец стоит одинок.
И вот к золотому спуска песку,
Шумя, пристаёт одинокий челнок.
И дева пройдет при встрече,
Объемлема власами своими,
И руки положит на плечи,
И, смеясь, произносится имя.
И она его для нежного досуга
Уводит, в багряный одетого руб,
А утром скатывает в море подруга
Его счастливый заколотый труп.

*

Магутна-снежная краса,
Дзе ў сны адплюшчваюцца вочы,
Твая паўночная каса
З'явілася мне ў час сурочы.
Сваім узорам чорным вабіць
З уцехі сплецены вянок —
Яго груган пакінуў, мабыць,
Чый шлях з самоты ўзяў выток.
Абсяг заняўшы, гэты снег
Ці не таму бялютка-весні,
Каб чалавеку чалавек
Быў гук нябёс, быў чутны песняй?

*

Снежно-могучая краса
С красивым сном широких глаз,
Твоя полночная коса
Предстала мне в безумный час.
Как обольститель и черен
Сплетенный радостью венок,
Его оставил, верно, ворон,
В полете долгом одинок.
И стала белый этот снег
Не для того ли строго пышен,
Чтоб человеку человек
Был звук миров, был песнью слышен.

*

Калі паміраюць коні — дыхаюць,
Калі паміраюць травы — сохнуць,
Калі паміраюць сонцы - яны згасаюць,
Калі паміраюць людзі — спяваюць песні.

*

Когда умирает кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца - они гаснут,
Когда умирают люди - поют песни.

ЗНОСЫ

Птах, імкнучыся ўвысь,
Ляціць у нябёсы,
Паненка, увысь імкнучыся,
Высокія носіць абцасы.
Калі ў мяне зношваецца абутак,
Я падаюся на рынак і новы купляю.
Калі няма ў каго-кольвек носу,
Ён, вась жа, купляе воску.
Калі няма ў народа душы,
Ён падаецца ў суседзі -
І мае сабе за плату
Сябе на знос.

ПА-ЛЮДИ

Птица, стремясь ввысь,
Летит к небу,
Панна, стремясь ввысь,
Носит высокие каблуки.
Когда у меня нет обуви,
Я иду на рынок и покупаю ее.
Когда у кого-нибудь нет носу,
Он покупает воску.
Когда у народа нет души,
Он идет к соседнему
И за плату приобретает ее —
Он, лишенный души!..

*

Я перамог: сшарэлы люд
Цяпер з адвекаў весці буду.
Здымі з павекаў, вера, пуд,
Ты памагатай будзеш цуду.
Куды? Хады тлумачу блыт:
З той лебяды, чым я больш хлебнай,
Народ, нібы без верху быт,
Уздыме дом па мерцы небнай.

*

Я перамаг: теперь вести
Народы серые я буду.
В ресницах, вера, заблести,
Вера, помощница чуду.
Куда? Отвечу без торговли:
Из той осоки, чем я выше,
Народ, как дом, лишенный кровли,
Воздвигнет стены в меру крыши.

*

Ноч у сузор'ях.
Кніга кніг —
Якога кону, з'яў якіх?
Ты ззяеш зырка ў вышняй шыры:
Нядолі? волі? ліха? міру?
Якія мне казацьмуць лёсы
Пісьмёны, ўзнятыя ў нябёсы?

*

Ночь, полная созвездий,
Какой судьбы, каких известий
Ты широко сияешь, книга?
Свободы или ига?
Какой прочесть мне должно жребий
На полночь широком небе?

*

Сягоння зноўку я пайду
Туды, на круг, на рух, на зовы,
І войска песень павяду
Ў міжбой з прыбоем кірмашовым.

*

Сёгодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок.

МАРКОТНАЕ

А стану сам сабе ліхі —
Я ў залатое сонца рыну,
Злучу святое і грахі,
Адзенуся ў крыло-драбіну.
Я ўмёр, я ўмёр, па латах кроў
Памкнула веннаю Нявою.
Ачнуўся я, інакш, ізноў
Вас аглядзеўшы вокам воя.

МРАЧНОЕ

Когда себе я надоем,
Я брошусь в солнце золотое.
Крыло щемящее одем,
Порок смешаю и святое.
Я умер, я умер, и хлынула кровь
По латам широким потоком.
Очнулся я, иначе, вновь
Окинув вас война оком.

КУРГАН

На што ўпадуць татараў зіры —
Нядужа клалася дадолу.
Імкне Сібір ва ўлонь Сібіры,
Жанчын развопраўшы дагола.

Курганны вой у сцігвах скону
Сціскаў жалезны твар Габрэя,
Вакол свіст суслікаў, ліст клёнаў.
Курганны дзень цячэ да краю.

Цыган каня крадзе. Трывожыць
Нюхлівых лісаў неба карта.
Ляжыць суровы запарожац
Пад курганом стагодзяў варты.

КУРГАН

Копье татар чего бы ни трогало —
Бессильно все на землю клонится.
Раздевши мирных женщин догола,
Летит в Сибирь - Сибири конница.

Курганный воин, умирая,
Сжимал железный лик Еврея.
Вокруг земля, свист суслика, нора и -
Курганный день течет скорее.

Семья лисиц подьмет стаю рожниц,
Несется конь, похищенный цыганом,
Лежит суровый запорожец
Часы столетий под курганом.

*

Людзі, конадні, гады
Уцякаюць наўсягды,
Быццам бруйвіны вады.
Ў гнуткай люстрані прыроды
Зоркі - невад, мы - чароды
Рыбанельгі, рыбальгі,
Цемры прывіды — багі.

*

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды - невод, рыбы - мы,
Боги - призраки у тьмы.

*

Сядзіба ноччу, чынгісхань!
Шуміце, сінія бярозы!
Зара начная, Заратустры!
А неба сіняе, мацарцы!
Сутонне воблака, будзь Гоя!
Ты ноччу, воблака, раопсь!
Ды смерчы ўсмешак прашугалі,
Іх рогат - крыкаў кіпцюры,
Цямнілі ката цвінтары,
Я азіраў нямыя жалі.
І вас я выклікаў, нямыкіх,
Вярнуў тапеліц з рэк сіла.
Іх незабудка ў зніцмах крыку
Начному ветразю цвіла.
Імкніся з сеткі сутак, міг!
Турмой змрок цягнецца ў пасады.
Мне снілася дзяўчына-сіг
У хвалях спеўных вадаспаду.
Хай хвоі бурай абмамаены
І хмары рухвяцца — Батыі,
І словы йдуць - маўчанняў Каіны,
І тыя падаюць святыя.
І цяжкай хадай на каменны свой бал
З дружнай блакітны ішоў Газдрубал.

*

Усадьба ночью, чынгісхань!
Шуміце, синіе березы!
Заря ночная, заратустры!
А небо синее, моцарты!
И, сумрак облака, будь Гойя!
Ты ночью, облако, роопсь!
Но смерч улыбок пролетел лишь,
Когтями криков хохоча,
Тогда я видел палача
И озирал ночную, смел, тишь.
И вас я вызвал, смелоликих,
Вернул утопленниц из рек.
„Их незабудка громче крика”, —
Ночному парусу изрек.
Еще плеснула сутки ось,
Идет вечерняя громада.
Мне снилась девушка-лосось
В волнах ночного водопада.
Пусть сосны бурей омамаены
И тучи движутся Батыя,
Идут слова, молчаний Каины, —
И эти падают святыя.
И тяжелой походкой на каменный бал
С дружиною шел голубой Газдрубал.

ЗВЕР + ЛІК

Калі скідае гаплікі
Кулік з утоеных усклікаў,
Праходзіць Тая, што вякі
Кладзе ў пасаг на вагі лікаў.

„Вы дзеці!..” — скажа жрэц наўслед
Гаворцы грэка. Веда, дзе ты?
Нібы на постаць світка, свет
На беспяхібны лік надзеты.

Калі трэ творца ў думцы лоб
І, схопны ёй, ідзе бэсцяцца,
Ён гэта робіць, каб наўспроб
Рэслінай росту ў неба стацца.

Прэч з-за печы, чэлзвечэ!
Не хмурней — агледзь лом спраў.
Вунь, віхура ўжо трапеча,
Лікам злоўленая-паў.

Упішу ў пэперы: вер!
Блізка дзень, што ўсіх паклікаў.
І вядзе сцярожка звер
Зном вялікіх белых лікаў.

Ды, пачуўшы слоў агні,
Што змаглі ламачча зману,
Неспадзеў на камяні
Упадзе, нібы зламэны.

ЗВЕРЬ + ЧИСЛО

Когда мерцает в дыме сел
Сверкнувший синим коромысел,
Проходит Та, как новый вымысел,
И бросит ум на берег чисел.

Воскликнул жрец: „О, дети, дети!”
На речь афинского посла.
И ум, и мир, как плащ, одеты
На плечах строгого числа.

И если смертный морщит лоб
Над винно-пенным уравнением,
Узнайте: делает он, чтоб
Стать роста на небо растением.

Прочь застенки! Глаз не хмуря,
Огляните чисел лом.
Ведь уже трепещет буря,
Полупоймана числом.

Напишу в чернилах: верь!
Близок день, что всех возвысил!
И грядет бесшумно зверь
С парой белых нежных чисел!

Но, услышав нежный гомон
Этих уст и этих дней,
Он падет, как будто сломан,
На утесы меж камней.

*

Вецер — нямеча
Са спеўным чалом.
Няцерпіны меча
Хутчэй быць мячом.
Людзі галубяць дзень смерці,
Быццам любімы цмен-квет.
У струны вялікіх, паверце,
Грае Усход неўпрыкмет.
Мажліва, нам новую гордасць
Чароўца зіхотлівых гор дасць,
І, многіх людзей праваднік,
Я розум надзену, як белы ляднік.

*

Ветер — пение
Кого и о чем?
Нетерпение
Меча быть мячом.
Люди лелеют день смерти,
Точно любимый цветок.
В струны великих, поверьте,
Ныне играет Восток.
Быть может, нам новую гордость
Волшебник сияющих гор даст,
И, многих людей проводник,
Я разум одену, как белый ледник.

*

Вясновага Карана
Вясёлы багаслоў,
Мой ясакар зледзьрана
Чакаў святла паслоў.
Як сонца рыбалоў,
У засветную сінюю тоню
Закінуўшы мярэжы,
Ён ловіць рык валоў,
І хмару ловіць соню,
І навальніцы водар свежы.
О ясакар зялёны,
Рыбак, бадай, паставай.
Ты стойма ўраспасцёр
Зялёныя абоймы.
І вось вясновы бог
(Здзіўлены асяцёр)
Ляжыць на кожнай лодцы
Вільготнага ліста.
і вусны просьба: „Неба дай”
Зялёна растуліла.
У моцы ловаў бога
Вялікі Ясакар
Ударам рога
Ударыць аб абшар
Спіртэчай сіняй сілы.

*

Весеннего Корана
Веселый богослов,
Мой тополь спозаранок
Ждал утренних послов.
Как солнца рыболов,
В надмирную синюю тоню
Закинувши мрежи,
Он ловко ловит рев волов
И тучу ловит соню,
И летней бури запах свежий.
О, тополь-рыбак,
Станом зеленый,
Зеленые неводы
Ты мечешь столба.
И вот весенний бог
(Осетр удивленный)
Лежит на каждой лодке
У мокрого листа.
Открыла просьба: „Небо дай”
Зеленые уста.
С сетями ловли бога
Великий Тополь
Ударом рога
Ударит о поле
Волною синей водки.

МЕСЯЦОВАЕ СВЯТЛО

Сін, сын сінечы,
сей спрадвечныя сны і сілы
на сёлы і сад.

Цураючыся дня, царуй,
чарай блакітнага віна ча-
руй землежыхара, што, быццам
хваля, падае адной нагою
услед другой. Мае крокі,
крокі смяротнага, — чароды хваляў.
Я купаю смяротныя мае валасы
у блакітнай вільзе тваёй злівы
і раптам усклікваю, руй-
нуючы чары: плошча,
апісаная простаю лініяй, што лучыць
Зямлю і сонца, у 317 дзён,
раўняецца плошчы праствакутніка,
адзін бок якога — паўпапярочнік
Зямлі, а другі — шлях, што праходзіць
святло за год. І вось у маім
разуме ўзыходзіш ты, святаісная
лічба 317, сярод аблокаў
няверачых у яе. Струна la
робіць 424 ваганні ў секунду.
Удар сэрца — 80 разоў у хвіліну,
у 317 разоў буйней.
Петрарка напісаў 317 сонетаў
у гонар каханай.
Па германскім законе 1912 года
у флоте павінна быць 317 суднаў.
Паход Раждзественскага (Цусіма)
быў праз 317 гадоў пасля
марскога паходу Медыны
Сідоніі ў 1588 годзе,
ангельцы ў 1588 і
японцы ў 1905 годзе.
Германская імперыя ў 1871 годзе
заснавана праз 317х6
пасля рымскай імперыі
у 31 годзе да Н. Хрыстова.
Жаніцьба
Пушкіна
была праз
317 дзён пасля
заручын

ЛУННЫЙ СВЕТ

Син, сын сини,
сей сонные сени и силы
на села и сад.
Чураясь дня, чаруй
чарой голубого вина меня,
землежителя, точно волна
падающего одной ногой
вслед другой. Мои шаги,
шаги смертного — ряд волн.
Я купаю смертные волосы
мои в голубой влаге твоего
тихого водопада и вдруг восклицаю,
разрушаю чары: площадь,
описанная прямой, соединяющей
солнце и землю, в 317 дней,
равна площади прямоугольника,
одна сторона которого — полупоперечник
земли, а другая — путь, проходимый
светом в год. И вот в моем
разуме восходишь ты, священное
число 317, среди облаков
неверящих в него. Струна la
делает 424 колебания в секунду.
Удар сердца - 80 раз в минуту,
в 317 раз крупнее.
Петрарка написал 317 сонетов
в честь возлюбленной.
По германскому закону 1912 года
в флоте должно быть 317 судов.
Поход Рождественского (Цусима)
был через 317 лет после
морского похода Медины-
Сидонии в 1588 году,
англичане в 1588 году и
японцы в 1905 году.
Германская империя в
1871 году основана через
317х6 после римской империи
в 31 году до Р. Христова.
Женитьба
Пушкина
была через
317 дней после
обручения.

*

Кратае сінія дрэвы кіпцюр
Ціхай, зіркастай вады.
Вецер кідае цур і няцур,
Ціха стаяць невады.
Дыхае мгістасцю ява,
Дзесьці без гора-прычыны
Выраслі ўпору хлопец смуглявы,
Поруч дзяўчына.
Дрыготка шорсткая асокаў,
Ракі патайныя размовы,
А хтосьці бледны і высокі
Стаіць, аднолькавы з дубровай.

*

Точит деревья и тихо течет
В синих рябинах вода.
Ветер бросает нечет и чёт,
Тихо стоят невода.
В воздухе мглистом испарина,
Где-то, не знают кручины,
Темный и смуглый выросли парень,
Рядом дивчина.
И только шум ночной осоки,
И только дрожь речного злака,
И кто-то бледный и высокий
Стоит, с дубровой одинаков.

*

І чорны рак на місцы белай
Злавіў блакіту каласы.
І ў падрабязнасцях збуцвельх
Адно застуда і хлусы.
Ды вось знянацканы званок:
„Мы пагібоша, акі Обры!”
Як Цэзар некалі, да ног
Заслонай атуліся! Добра!
Памры, мой родны. А акрэсліць
Цябе разгляды паспрабуюць -
Ты скажаш, песцячыся ў крэсле:
„Я той, якога не турбуюць”.

*

И черный рак на белом блюде
Поймал колосья синей ржи.
И разговоры о простуде,
О море праздности и лжи.
Но вот нечаянный звонок:
„Мы погибоша, аки обре!”
Как Цезарь некогда, до ног
Закройся занавесью. Добра!
Умри, родной мой. Взоры если
Тебя внимательно откроют,
Ты скажешь, развалясь на кресле:
„Я тот, кого не беспокоят”.

МАЕ ПАХОДЫ

Людзьмі напанутыя коні,
Спаткаўшы мора, ў тупат дольні
Назад шыбуюць, страх прадоння
Дзіцячай водры неадольней.
Ды Вера, поўная Сібіраў,
Спазнае зноўку Ермака -
Край, дзе замёр журлівы вырай,
І здасца даўні замак А.
Нябыту ўсплёск за гранню Веры
Адкінуў люстранню мяне,
Намор'я скрушныя прамеры
Кісцень разбойлівы прамне.

МОИ ПОХОДЫ

Коней табун, людьми одетый,
Бежит назад, увидев море.
И моря страх, ему нет сметы,
Неодолимей детской кори.
Но имя веры, полное Сибирей,
Узнает снова Ермака -
Страна, где замер нежный вырей,
И сдастся древний замок А.
Плеск небытия за гранью Веры
Отбросил зеркалом меня.
О, моря грустные промеры
Разбойным взмахом кистеня!

ПРАШЧУР

Мяшок з цюленяў магутных на целе
Паляўнічага, шырока ліюцца рыбінай
скуры скамечаныя апоны.
У чучале сухога асяцёра стрэлы
З арлінымі пёркамі, дроты тонкія й стрункія
З каменем, крэменем, дзюбастым на носе,
і з параю пёрын арліных ахвосцем.
Суровыя магутныя вочы, дзікія, жорсткія
валасы ў паляўнічага.
І лук у руцэ, са стралою напаягове,
сцярожка выцягнуты наперад,
Падобна воку бога ў сненні, гатовы
рынуцца спеўнаю смерцю: дззі!..
На скругленых грубых дошках і рамянях ногі.

ПРАОТЕЦ

Мешок из тюленей могучих на теле охотника,
Широко льются рыбьей кожи измятые покровы.
В чучеле сухого осетра стрелы
С орлиными перышками, дроты прямые и тонкие,
С камнем, кремнем зубчатым на носу вместо клюва
и парю перьев орлиных на хвосте.
Суровые могучие открыты глаза,
длинные жестокие волосы у охотника.
И лук в руке, с стрелою наготове,
осторожно вытянут вперед.
Подобно оку бога в сновидении,
готовый ринуться певучей смертью: Дззи!
На грубых круглых досках и ремнях ноги.

ГОЛАД

Чаму зайцы і лосі па лесе скачуць,
Прочкі ўцякаючы?
Людзі з'елі кару асіны,
Ялінаў зялёныя парасці...
Жанчыны і дзеці блукаюць па лесе,
Збіраюць лісты бярозы
Для варыва, шніткі, баршчу,
Яловыя макаўкі і срэбраны мох, —
Ежа лясная.
Дзеці, разведчыкі лесу,
Шастаюць па гаях,
Смажаць у вогнішчы вусеняў тлустых,
Капусту заечую, чарвякоў-белуноў
Альбо павукоў вялізных — яны саладзей за арэхі.
Ловяць кратоў, яшчарак шэрых,
Гадаў шпылівых страляюць з лука,
Хлябцы пякуць з лебяды.
За матылькамі ад голаду бегаюць:
Цэлую торбу набралі,
Будзе ў іх сёння матыльковая страва —
Матулька зварыць.
На зайца, што скача па лесе ласкавым скокам,
Дзеці, быццам у сне,
Як на светлага свету мрояю,
Захопленыя, глядзяць вачамі вялізнымі,
Святымі ад голаду,
Праўдзе не вераць.
Але ён уцякае мрояю жвавай,
Кончыкам вуха чарнеючы.
Наўздагон яму страла паляцела,
Ды позна — уежны абед паскакаў.
А дзеці, зачараваныя, стаяць...
„Матылёк, вунь, глядзі, паляцеў...
Лаві і бяжы! А там вунь блакітны!..”
Пахмура ў лесе. Воўк прыцэгся здалёк
На тое месца, дзе летась
Ён з'еў ягня.
Доўга круціўся, нібы дзіцячы ваўчок,
Усё абнюхваў месца:
Нічога не засталася —
Парупіліся мурашы, — апроч капытка сухога.
Змаркочаны, камлюкаватыя рэбры падцяў
І ўцёк за ласы.

ГОЛОД

Почему лоси и зайцы по лесу скачут,
Прочь удаляясь?
Люди съели кору осины,
Елей побеги зеленые...
Жены и дети бродят по лесу
И собирают березы листы
Для щей, для окрошки, борща,
Елей верхушки и серебряный мох -
Пища лесная.
Дети, разведчики леса,
Бродят по роцам.
Жарят в костре белых червей,
Зайчью капусту, гусениц жирных
Или больших пауков - они слаще орехов.
Ловят кротов, ящериц серых,
Гадов шипящих стреляют из лука,
Хлебцы пекут из лебеды.
За мотыльками от голода бегают:
Целый набрали мешок,
Будет сегодня из бабочек борщ -
Мамка сварит.
На зайца, что нежно прыжками скачет по лесу,
Дети, точно во сне,
Точно на светлого мира видение,
Восхищенные, смотрят большими глазами,
Святыми от голода,
Правде не верят.
Но он убегает проворным виденьем,
Кончиком уха чернея.
Вдогонку ему стрела полетела,
Но поздно — сытный обед ускакал.
А дети стоят очарованные...
„Бабочка, глянь-ка, там пролетела...
Лови и беги! А там голубая!..”
Хмуρο в лесу. Волк прибежал издалёка
На место, где в прошлом году
Он скушал ягненка.
Долго крутился юлой, всё место обнюхал.
Но ничего не осталось —
Дела муравьев, — кроме сухого копытца.
Огорченный, комковатые ребра поджал
И утек за леса.

Там цецерукоў чырванабровых, сівых глушцоў,
Што паснулі пад снегам, будзе лапай
Цяжкай душыць, абсыпаны пырскамі снегу...
Лісічка, агнёўка пушыстая,
На пень камячком умасцілася
І разважала пра будучыню...
Хіба сабакам стаць?
Людзям на службу пайсці?
Сетак напята многа —
Кладзіся ў любую...
Не, небяспечная справа.
З'ядзяць рыжую ліску,
Як з'елі сабак!
Сабакі ў вёсцы не брэшучь...
І стала лісіца пуховымі лапкамі мыцца.
Узвезўшы ўгору вогненны ветразь хваста,
Вавёрка сказала, вуркочучы:
Дзе ж мае жалуды і арэхі? —
З'елі людзі!"
Ціха, празрыста, ужо вечарэла,
Шалёстаннем ціхім з асінай
Сасна цалавалася.
Можа, назаўтра ссякуць людзі іх на сняданак.

Там тетеревов алобровых и седых глухарей,
Заснувших под снегом, будет лапой
Тяжелой давить, брызгами снега осыпан...
Лисонька, огнёвка пушистая,
Комочком на пень взобралась
И размышляла о будущем...
Разве собакою стать?
Людям на службу пойти?
Сеток растянуто много —
Ложись в любую...
Нет, дело опасное.
Съедят рыжую лиску,
Как съели собак!
Собаки в деревне не лают...
И стала лисица пуховыми лапками мыться.
Взвивши кверху огненный парус хвоста.
Белка сказала, ворча:
„Где же мои орехи и желуди? —
Скушали люди!"
Тихо, прозрачно, уж вечерело,
Лепетом тихим сосна целовалась
С осиной.
Может, на завтра их срубят на завтрак.

*

Вошы заўзята маліліся мне,
Паўзлі кожнай раніцы па апранасе,
І кожнае раніцы я іх караў,
Трэсканне слухаючы — свой вырак,
Але яны з'яўляліся зноў нястомным прыбоем.

Мой белы, з радовішча боскага, мозг
Аддаў я табе, Расія:
Будзь мною, будзь Хлебнікавым.
Полі ўбіваў у розум народа і восі,
На іх выбудоўваў хату
„Мы - будзятляне”.
Рабіў гэта ўсё, як жабрак,
Як злодзей, людзьмі ўсюды кляты.

*

Вши тупо молилися мне,
Каждое утро ползли по одежде.
Каждое утро я казнил их —
Слушай трески, —
Но они появлялись вновь спокойным прибоем.

Мой белый божественный мозг
Я отдал, Россия, тебе:
Будь мною, будь Хлебниковым.
Свай вбивал в ум народа и оси.
Сделал я свайную хату
„Мы — будетляне”.
Все это делал, как нищий,
Как вор, всюду проклятый людьми.

АДМОВА

Мне куды даспадобней
Глядзець на зоркі,
Чым падпісваць
Вырак смяротны.
Мне куды даспадобней
Слухаць вызнанні ружаў,
Што шэчуцца: „Гэта ён!” —
Схіляючы голаў,
Калі я садам праходжу,
Чым бачыць цёмныя ружжы
Аховы, што забівае
Тых, хто хоча
Забіць мяне.
Вось чаму я ніколі,
Не, ніколі не буду Уладаром!

ОТКАЗ

Мне гораздо прыятнее
Смотреть на звезды,
Чем подписывать
Смертный приговор.
Мне гораздо прыятнее
Слушать голоса цветов,
Шепчущих: „Это он!” —
Склоняя головку,
Когда я прохожу по саду,
Чем видеть темные ружья
Стражи, убивающей
Тех, кто хочет
Меня убить.
Вот почему я никогда,
Нет, никогда не буду Правителем!

*

Яшчэ раз, яшчэ раз,
Я зорка
Для вас.
Гора мараку, што ўзяў
Нятойны вугал судзіны сваёй
І зоркі:
Ён разаб'ецца аб камяні,
Аб падводныя мели.
Гора і вам, што сэрца
Вугал нятойны ўзялі да мяне:
Вы разаб'яцеся аб камяні,
І камяні насміхацца
З вас будуць,
Як насміхаліся
Вы з мяне.

*

Еще раз, еще раз,
Я для вас
Звезда.
Горе моряку, взявшему
Неверный угол своей ладьи
И звезды:
Он разобьется о камни,
О подводные мели.
Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьетесь о камни,
И камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались
Надо мной.

© OCR: Камунікат.org, 2015

© Інтэрнэт-версія: Камунікат.org, 2015

© PDF: Камунікат.org, 2015

ЗМЕСТ

"Чарот-вечарот..."
"Нем нямым яўкае лукам..."
"Павысыпаліся з меха..."
"Змрокі. Сцені..." Ю
Заклён рогатам
Конік
"З цялёжканнем-свістам..."
Нетры
"Сланы біліся б'ўнямі так..."
"У неба ўцяліся кінжалы..."
"Магутна-снежная краса..."
"Калі паміраюць коні — дыхаюць..."
Зносы
"Я перамог: сшарэлы люд..."
"Ноч у сузор'ях..."
"Сягоння зноўку я пайду..."
Маркотнае
Курган
"Людзі, конадні, гады..."
"Сядзіба ноччу, чынгісхань!..."
Звер + лік
"Вецер - нямеча..."
"Вясновага Карана..."
Месяцовае святло
"Кратае сінія дрэвы кіпцюр..."
"І чорны рак на місцы белай..."
Мае паходы
Прашчур
Голад
"Вошы заўзята маліліся мне..."
Адмова
"Яшчэ раз, яшчэ раз..."

СОДЕРЖАНИЕ

"Времяши — камыши..."
"Немь лукает луком немным..."
"Из мешка..."
"Вечер. Тени..."
Заклятие смехом
Кузнечик
"С журчанием, свистом..."
Трущобы
"Слоны бились бивнями так..."
"Как два согнутые кинжала..."
"Снежно-могучая краса..."
"Когда умирает кони — дышат..."
Па-люди
"Я победил: теперь вести..."
"Ночь, полная созвездий..."
"Сегодня снова я пойду..."
Мрачное
Курган
"Годы, люди и народы..."
"Усадьба ночью, чингисхань!..."
Зверь + число
"Ветер — пение..."
"Весеннего Корана..."
Лунный свет
"Точит деревья и тихо течет..."
"И черный рак на белом блюде..."
Мои походы
Праотец
Голод
"Вши тупо молились мне..."
Отказ
"Еще раз, еще раз..."

Літаратурна-мастацкае выданне
Разанаў Алесь Сцяпанавіч
З ВЯЛІМІРА ХЛЕБНІКАВА

На вокладцы "Згода" з серыі "Ісвы"
Алеся Разанава і Віктара Маркаўца

Карэктар Г. Міхалюк
Дызайн С. Ждановіч

Падпісана ў друк 05.01.2011. Фармат 84x100,.
Друк афсетны. Ум. друк. арк. 6,93. Ул.-выд. арк. 6,9.
Наклад 500 ас.Замова № 1748.

Выдавец І. П. Логвінаў. ЛІ 02330/0494468 ад 08.04.2009.
Пр. Незалежнасці, 19-5, 220050, г. Мінск, www.logvinau.by
Друк Т ДА „НоваПрынт”. ЛП 02330/0552786 ад 25.02.2009.
Бул. Геалагічная, 59-4-10, 220047, г. Мінск.